

Николай Добролюбов

**«Лучи и тени». Сорок пять
сонетов Д. фон Лизандера...**

Николай Александрович Добролюбов

«Лучи и тени». Сорок пять сонетов Д. фон Лизандера...

Рецензия – одно из выступлений Добролюбова против поэзии, враждебной некрасовскому направлению. В этой связи критик и характеризует шаблонную лирику незначительного дворянского поэта Д. К. Лизандера (1824–1894), его религиозную риторику и расплывчатые обличения «порока».

Политическая лирика В. В. Бажанова имела крайне «благонамеренный» характер. Не имея возможности охарактеризовать в рецензии политическую лирику Бажанова, Добролюбов обращает внимание на частое и характерное для подобного рода литературы противоречие эротических и религиозных мотивов.

Религиозная «назидательность» Бажанова и либеральные претензии Лизандера «на звание общественного деятеля» компрометируются в рецензии сопоставлением с произведениями бездарного и неизвестного графмана Александра.

Содержание

#1	0005
Примечания	0030

**Николай Александрович
Добролюбов**

**«Лучи и тени». Сорок пять
сонетов Д. фон Лизандера...**

Стихотворения В. Бажанова...

**Стихотворения
Александрова...**

*«ЛУЧИ И ТЕНИ». СОРОК ПЯТЬ СОНЕТОВ
Д. ФОН ЛИЗАНДЕРА. Москва, 1859*

*СТИХОТВОРЕНИЯ В. БАЖАНОВА СПБ.,
1859*

*СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВА
Москва, 1859*

Господин Д. фон Лизандер приобрел уже себе почетную известность в нашей литературе как участник знаменитого протеста против поступка «Иллюстрации». В 22-й книжке «Русского вестника» за прошлый год имя его красуется в числе протестантов, между именами Я. Савурского и Ф. Тимирязева, с одной стороны, и Д. Хитрова, Д. Хомякова, И. Хомякова и С. Хомякова – с другой.^{1} Следовательно, нет никакой надобности говорить о возвышенности и благородстве чувствований, которыми должны быть проникнуты сорок пять сонетов г. фон Лизандера. Правда, высокие качества своего нравственного характера г. фон Лизандер заявил еще во время Восточной войны, когда написал весьма грозное патриотическое стихотворение «Нашим врагам».^{2} Но это обстоятельство все еще было не столь блистательно и решительно, как то, когда г. фон Лизандер стал в ряды победоносной армии, так громогласно ополчившейся на защиту гг. Чацкого и Горвица от страшного «Знакомого человека». Этот последний подвиг заметно отразился на самом характере сонетов г. фон Лизандера, большая часть ко-

торых писана в 1858 году. Бродит ли он по лесу, – ему тотчас представляется грамматическая темнота в известной фразе «Иллюстрации», темнота, освещаемая только протестом... Эта поэтическая мысль возбуждает в нем следующее обращение к душе, под которою можно разуместь душу несчастного, оклеветанного «Знакомым человеком»:

*О душа! Как ни столпились плотно
Вкруг тебя печали-великаны,[1]
Но и в тьме,[2] с них льющей и под
ноги
И на грудь, всё блещут искромет-
но
То каких-то светлых дум поляны,
[3]
То к каким-то звучным дням до-
роги.[4]*

Мы полагаем, что эти стихи именно относятся к клевете и обличению «Иллюстрации», потому что только при таком объяснении и можно найти в них некоторый смысл.

К этому же знаменитому делу относятся, вероятно, и те стихи, в которых г. Д. фон Ли-

зандер уверяет, что мороз не препятствует ему предаваться благородным порывам. Известно, по словам Гоголя, «всякому, даже не учившемуся в семинарии», – что поступок «Иллюстрации» совершился в ноябре. Вследствие того г. фон Лизандер и пишет, что прежде любовь согревала его в зимний холод:

*Но теперь – не то. Иные пенья[5]
В эту ночь[6] мой зрелый слух
внимает.
Тени дум в блестящие виденья
Тайный звук пред сердцем претво-
ряет,
И роскошный пламень вдохнове-
нья[7]
И в мороз – грудь жаром облива-
ет...*

На «Иллюстрацию» же, кажется, написал г. фон Лизандер и следующий сонет:

*Серый день блестит темно и кис-
ло.[8]
Пятна луж покрыли грязный двор,
Мокрый бык глядит на них без
смысла,
Цепь ворон покрыла весь забор.[9]
У колодца чье-то коромысло*

*Позабыто, и уж с давних пор
На бадье приподнятой повисло...
Вот и все, что видит праздный
взор.[10]*

*Да не больше пищи и для слуха.
Развлекла его бедняжка муха
Смертной песней в лапах паука.
[11]*

*Но и сердце тянет песню ту же:
И его облапила не хуже,
Чем паук, смертельная тоска.[12]*

Если мы не ошибаемся в смысле, какой даем этому стихотворению, г. фон Лизандер обладает замечательным сатирическим талантом. Впрочем, мысль свою – основную мысль почти всех его произведений – о том, что не нужно клеветать и вообще лгать, – г. фон Лизандер выражает не только в юмористическом тоне, но и в звучных дифирамбах. Например, вот заключение стихотворения «Во храме», также написанного под влиянием мысли о гнусности клеветы:

*О! да, да. Пусть хоть раз и этот
блеск лампадный,[13]
И дым кадил, и хор, и сонм свя-
тых громадный*

*Всем этим детям лжи хоть раз
воскликнут грозно,
Что здесь, пред божеством, – не
место фарисейству,
А место ханжеству, разврату и
злодейству (sic!)
Покаяться всем сплошь да пла-
кать слезно, слезно.*

В последних стихах недостает смысла; но этот недостаток легко искупается избытком благородных чувствований... по крайней мере в глазах многих протестантов!

Впрочем, подвиги гражданской доблести не проходят даром поэтам. Одаренный, как видно, пылким воображением, г. фон Лизандер после совершения своего благородного дела подвергся весьма беспокойным мечтаниям. Он представил себе, что ложь, в виде «Знакомого человека», гонится за ним, и, одержимый паническим страхом, г. фон Лизандер бежит, скачет... «Знакомый человек» за ним, и г. фон Лизандер в мрачном беспокойстве восклицает своему ямщику:

*Погоняй! По колеям, по глади,
Погоняй! Во весь опор скачи!*

От того, что мчится тут же,
сзади,
О, скорей, скорей меня умчи!
Ложь в устах, ложь и обман во
взгляде,
Всех надежд померкшие лучи,
Мой кумир,[14] но в площадном
наряде —
Вот что сзади... Сердце, помолчи!
Тройка вскачь, во весь опор несет-
ся.
Я лечу, как молния летит...
Что ни миг, все дальше остается
Эта ложь... Но что ж меня
умчит
От моих слез, жгучих язв, стена-
ний,
От твоих, о память, содрога-
ний?..

Последние стихи достойно заключают это стихотворение, превосходно выражающее необычайный страх, наводимый на поэта мыслью, что за ним гонится «Знакомый человек» с рисунками «Иллюстрации».

Зная теперь, какой страх испытал г. фон Лизандер, мы не удивимся, узнав от него, что и самый протест, под которым он подписался,

не доставляет ему наслаждения, а, напротив, казнит его. В отчаянии г. фон Лизандер восклицает:

*Казнит меня все, все: дни сил и
дни бессилья,
Казнит и то, чем жил, и то, чем
я не жил,
Казнит и то, куда я еле двинул
крылья,
Казнит и то, к чему во всю их
мочь спешил.*

Последний стих, очевидно, указывает на тот благородный энтузиазм, с которым все друзья нашей гласности и прогресса спешили стать в ряды защитников гг. Чацкина и Горвица... Грустно видеть психологический результат, оставленный этим блистательным делом в сердце и уме г. Д. фон Лизандера!.. Вместо гордого наслаждения и могучего самодовольства он испытывает и выражает в своих стихах лишь малодушные мечты расстроенного воображения. То у него «ужас и кручина – дыбом волосы поднимут на челе»; то ему «в глаза слой ржавчины голодной глядит, и мглы черней»; то представляются ему «десять-

ки палачей и топор в размахе»; то снится ему,

---

*Что он уснул и спит под райски-
ми кудрями
Каких-то райских жен и видит,
упоенный,
Как херувимов рой, сквозь шелк
их, благосклонно
Взирает на него сапфирными оча-
ми...*

То он испытывает странное чувство во время прогулки и вдруг, как опьяненный, садится на пенёк и в этом поэтическом положении размышляет:

*Я присел на пенёк, как опьяненный.
Светлый воздух, зноем пропоен-
ный,
Лег, как ласка милой, на плечах...
О творец! Уж если здесь такая
Нега есть, – что ж там нас
ждет, сияя
В благодатных этих небесах?..*

Пылкое воображение г. фон Лизандера доходит до того, что подвергает его следующей неприятности. У поэта был во владении лес.

«Деревьев вековых наследник небогатый», он продал их на сруб. Но когда стали их рубить, то ему вообразилось вот что:

*...Точь-в-точь передо мною губят
Не лес – моих друзей, и головы им
рубят...*

Бог знает, до чего бы могло дойти расстроенное воображение г. фон Лизандера, если бы не успокоил его «ангел-хранитель» такую песенкой:

*Спи, бедный, спи! Усыпленье беспечное —
Лучшее благо сердцам. В нем ты
поймешь усыпление вечное,
То, что могила даст нам.*

И г. фон Лизандер спит, и можно сказать – спит на лаврах, после знаменитого протеста. Вопросонках пишет он стихи, большею частью лишённые смысла и всегда нескладные; но «когда же складны сны бывают?» Будем довольны и тем, что в сонных стихах г. фон Лизандера все-таки увековечена для потомства история знаменитого протеста.[15]

Что касается до характера поэтического ге-

ния г. Бажанова, то мы надеемся определить его довольно верно, сказавши, что в сем пиите представляется нам суровый пуританин, одержимый эротическими страстями. С одной стороны – вот какие обличения и советы:

*О смертный! не ропщи на свой
удел;
Вооружись терпением и верой,
Неси свой крест покорно, – и гос-
подь
Сторицею воздаст тебе в той
жизни
За здешние лишения твои...
Все тлен: богатство, почести и
слава;
Ты ничего с собою не возьмешь
В тот неизбежный час, как ангел
смерти
От тяжких уз телесных разре-
шит
Бессмертью предназначенную ду-
шу; —
Тогда пред неумытным судьей
Предстанет не вельможа знаме-
нитый
И не богач, – предстанет человек,
С порочными иль добрыми дела-*

ми,
И примет мзду, заслуженную им.
Благоговей смирись пред провиден-
ьем:
Его рука путем тернистым бед-
ствий
К небесному блаженству нас ве-
дет;
Здесь только тот и счастлив и
покоен,
Кто, жребием довольствуясь сво-
им,
С терпением удары рока сносит.

А с другой стороны вот – какие «Воспоми-
нания старушки»:

Ах, – и я была когда-то молода
И слыла в селе красавицей тогда!..
Как пойду, бывало, павой в хоро-
вод,
Мною весь честной любитесь на-
род..
Парни-молодцы, как мухи к меду,
льнут
И проходу красной девке не дают.
Только слышишь: Марфа, спой да
попляши!
У те голос, у те ножки хороши!..

Кто орешков, кто гостинцев мне
сулит,
Кто колечком, кто платочком
подарит, —
А Степан – лихой, удалый моло-
дец,
Заручил меня, младую, под ве-
нец...
Под венцом я рдела, словно маков
цвет,
Говорили: краше девки в свете
нет...
А теперь – где ты, скажи, моя
краса?..
Поседела темно-русая коса;
По селу едва-едва брожу с клюкой,
—
Одолела старость с хворостью
лихой, и пр.

И опять – с одной стороны, сетования на
порочность всего мира:

Нас обуял корысти дух лукавый,
Его рабы, – мы с самых юных лет
До гроба ищем тленных благ и
славы,
Как будто в нас души нетленной
нет, и пр.

А с другой – восхищение женским локоном и рассказ о поцелуе, «полном неги безмятежной». Да еще это бы не беда, – хотя, конечно, и локон подходит к разряду *тленных* благ. Ну, да уж положим, что им еще можно утешаться, потому что волосы все-таки не так скоро истлеют, как остальные части тела... Но ведь дело в том, что г. Бажанов в своем пристрастии к локону заходит уж слишком далеко. Он восклицает:

*Ты один души томленье,
Думы скорбные мои
В грустный нас уединенья
Услаждаешь, дар любви!*

Эти стихи находятся в совершенном противоречии с назидательным настроением г. Бажанова, их нельзя признать законными детьми его пуританской музыки. *Один* локон улаживает его томленье и скорбь! Каково это вам покажется? Как будто этот локон – нетленный! Как будто нет для человека высших утешений!

Как будто в нас души нетленной нет!..

Точно так же не можем мы помирить следующих противоречий музы г. Бажанова. В стихотворении «1-е января 1858 г.» он бросает высокоблагородные и нравственные обличения в лицо развратному свету. Здесь он говорит, между прочим:

*Прошла гроза, – мы весело, беспечно
Проводим дни в забавах и пирах,
Всем жертвуя для жизни скоротечной,
Изгнав из сердца стыд и страх.*

А между тем, при таком обличительном направлении, г. Бажанов занимается воспеванием того, как молодая немка Мальвина поджидает молодого француза Проспера, который к ней,

*Забывая покой,
В час безмолвный, ночной,
На свиданье любви поспешает...*

Для всякого другого это было бы ничего; но г. Бажанову – непростительно! Конечно, поэт может проникаться сатирическим духом и изображать пустоту и разврат света очень яр-

ко. Поэтому мы не упрекаем в нескромности, например, пьесу «Выбор жениха», в которой невестою предпочтен всем седой князь,

*В крестах, в звездах,
На костылях.*

Здесь мы видим тот же дух, который внушил поэту следующие грозные стихи против звезд (в стихотворении «Звездочка»):

*Так забудь же мириады
Звезд блестящих и больших
И тоскующие взгляды
Отврати скорей от них...
Им понятны наслажденья,
А печаль для них чужда;
В них участия, сожаленья
Не найдешь ты никогда...*

Такие строго обличительные стихи совершенно соответствуют общему направлению поэта, и за них можно только хвалить г. Бажанова. Но когда он утешается тленным локоном и с наслаждением рисует сцену ночного свидания француза Проспера с немкой Мальвиной или представляет игривую амуретку корнета с Наташей (в стихотворении «Мать и

дочь»), – то нельзя не упрекнуть его музу в легкомыслии и в измене тем убеждениям, которые должны бы лежать краеугольным камнем всей поэзии г. Бажанова. Возвышенный строй его лиры дал нам такие стихотворения, как «Молитва», «Крест», «Не ропщи», «На кончину императора Николая I», «Печаль и отрада России» – стихотворение, не уступающее высотой чувствований известному произведению кн. Вяземского «Плач и утешение».^{3} В этой сфере, собственно, и должен был бы оставаться г. Бажанов, и тогда мы почти не имели бы возможности упрекнуть его. Но, к сожалению, слабость природы человеческой превосмогает силу самых крепких пуританских убеждений. Резвый купидон – говоря мифологически – увлекает самого Зевеса-громовержца; не мудрено, что он и г. Бажанова увлек к сочинению игривых стишков о тленном локоне, принадлежащем, может быть, той самой немке Мальвине, которая «в час ночной» поспешала на свидание с французом Проспером... Что делать? Эротические расположения овладевают, верно, и суровыми пуританами, подобными тому, каким выставля-

ется г. Бажанов в своих возвышенных стихотворениях. Не будем судить за это слишком строго: говорят, что от стрел купидона никто не может укрыться, и в доказательство указывают даже на г. Розенгейма.^{4} Уж какой, кажется, обличитель, – а и тот писал эротические стишки еще почище (не по языку и не по стиху, впрочем), чем г. Бажанов. Притом же – что нападать на г. Бажанова, когда он сам уже осудил так строго свою нравственность на первой же странице своей книжки:

*Гори ясней, моя лампада,
Молись теплей, душа моя...
Я раб страстей, стяжанье ада, —
И вечных мук достоин я...*

*Смотрю в жизнь прошлую с бояз-
нью;
В ней тщетно добрых дел ищу;
И, как преступник перед казнью
Томлюсь, страдаю, трепещу...*

*Моя душа охолодела,
Не внемлет истине святой,
Живая вера оскудела,
И с ней сокрылся мой покой...*

Бедный г. Бажанов! Хоть бы пришел к нему тот утешитель, который поет г. фон Лизандеру:

*Спи, бедный, спи!
Усыпленье сердечное —
Лучшее благо сердцам!.. и пр.*

Стихотворения г. Александрова тоже нуждаются в подобном утешителе, ибо автор их — необычайный страдалец. Половину книжки занимает рассказ о некоем господине Задорине и о его дочери Эмме, которую поэт, как отважно называет себя г. Александров, рисует с большой любовью, с отступлениями вроде следующего:

*Но, к счастью, ни умом,
Ни душою старшая ее дочь Эмма
Не была похожа на свою мать.
Но я вижу, что вы начинаете тер-
ять
Терпение, что так вяло идет к
концу поэма.
Я надеюсь, что вы не будете бра-
нить поэта
За неправильное название это;
Тут поэмы нет нисколько,*

*А просто это один рассказ,
Которым хотел я вас
Занять на час. И только...
И оттого так назвал,
Что я рифмы к Эмма не сыскал.*

В этих-то отступлениях, которые уже сами по себе составляют страдание, равно как и вся поэма и даже вся книжка г. Александрова, беспрестанно встречаются такого рода жалобы:

*Теперь нигде отрады не нахожу
И, как путник заблудившийся,
брожу
Меж ненавистных мне людей,
Меж пошлых и холодных богачей,
и пр.*

Или:

*Давно погибли мои надежды и
мечты,
Жизнь моя полна душевной пусто-
ты;
Я теперь живу воспоминаньем од-
ним, и пр.*

В одном из мелких стихотворений г. Александров также жалуется:

*Время юности живой
Промчалось быстро от меня,
С глубокой, мрачною тоской
Теперь ни на миг не расстаюся я;
Страдания и мучения больной ду-
ши
Меня тревожат часто среди ноч-
ной тиши...*

В другом стихотворении объясняется:

*Давно во мне уснули страсти
Сном холодным мертвеца,
И глубокие морщины избраздили
По всем направленьям лицо;
Холод, голод и многие напасти
Душевный жар истожили... и пр.*

В стихотворении «Дума» говорится:

*С глубокой думою сижу я под ок-
ном;
И все я думаю только об одном:
Что я лучшие движенья сердца
утратил
Бесплодно, и святые чувства я
растратил
В тяжком и позорном бездей-
ствии и сне...*

Вот начало стихотворения «Ожидание»:

*Холод, голод и нищета,
От погибшей юности мечта
Мои спутники до гроба.
Порой тоска, ненависть, злоба
Меня в жизни сопровождают,
Часто быструю радость отрав-
ляют...*

И так далее, – все одно и то же... Страдание, да и только! Мы сочли нужным прежде всего указать на это читателям, потому что автор в одном месте говорит:

*Ты меня опрометчиво не прокли-
най,
Лучше ты мои страдания узнай...*

Конечно, страдания г. Александрова не могут иметь особенной важности и интереса для публики; но столь настойчивое напоминание собственных страданий заставило нас подумать о причинах, по которым страдал г. Александров. Мы предались было даже мечтаниям вроде тех, каким предавался Павел Иванович Чичиков, просматривая список мужиков, купленных у Собакевича. Кто такой г. Александров? Где и как протекла его юность? За что тешилась над ним злая судьба? Из

книжки видно, что г. Александров – какой-то самоучка; не только о версификации, но даже о правописании он не имеет никакого понятия; но в то же время он рассуждает об устройстве общества, о взятках, о банкометах и понтерах, о балах и бокалах упоминает даже о Рафаэле и Перуджино... Трудно разобрать, что такое представляет собою автор этих стихотворений... Бедный ли он чиновник, на старости лет лишившийся места по неблагонадежности или вследствие сокращения штатов? Помещик ли какого-нибудь захолустья, заглянувший раз в жизни в столицу, увидавший там двух литераторов и вследствие того возгоревший стремлением к литературной славе? Или он отставной инвалид, покоящийся на лаврах и посвящающий свои досуги служению музам? А может быть, это – самоучка-мещанин, каких так много ныне развелось на Руси? Может быть, в самом деле не посчастливилось ему в жизни, и «голод, холод, нищета» – может быть, составляют для него не стихотворную фразу, а действительные лишения, которые он испытал... Но в таком случае – зачем он толкует о бокалах, вы-

питых им на пирах, о красавицах, с которыми он танцевал на блестящих балах, и пр.?.. Ради ли стихотворной вольности или тоже по действительному опыту жизни?.. И что, наконец, привело его к описанию этих страданий? Кто и как решился издать эту безобразную книжечку, серую, неопрятную, напечатанную решительно без всякой корректуры?..

Праздные, забавные вопросы, если смотреть на них с общелитературной точки... Но нельзя от них удержаться, когда подумаешь, сколько добродушия и совершеннейшей нищеты духа должен иметь автор книжечки, подобной стихотворениям г. Александра. Тут внутренняя ничтожность и вздорность ничем не прикрыта: ни звучным стихом, ни блестящими современными фразами, ни гордыми претензиями на звание общественного деятеля, так часто принимаемыми у нас за признак внутренней силы... Видно, что автор не принадлежит к высокообразованной фаланге протестантов против «Иллюстрации», как г. фон Лизандер, и даже не проникнут такою выпренною назидательностью, как г. Бажанов. И однако – в стихах его всегда можно

добиться смысла, чего часто недостает сонетам г. фон Лизандера; в книжке г. Александрова нет и того странного «служения богу и мамоне», какое заметили мы у г. Бажанова. Ясно, что если б г. Александров поучился, узнал бы хоть грамматику и версификацию да чуть-чуть усвоил бы себе приемы литературные, он бы никак уж не написал таких бессмыслиц, какие находим у гг. фон Лизандера и В. Бажанова... А между тем теперь даже и эти господа, которых ученье привело только к правильному стопосложению и к совершеннейшей темноте разума, – даже и эти господа посмотрят, пожалуй, с пренебрежением на г. Александрова!.. Да и как иначе? Господин фон Лизандер *имеет имя* в литературе, он участвовал в блистательнейших литературных экспедициях; г. Бажанов тоже – если еще не имеет, то будет иметь имя: по крайней мере стихотворения его помещались в некоторых журналах, считающих себя весьма серьезными и значительными... А г. Александров презрен везде и всеми, за то, собственно, что говорит только о своих страданиях, да и тех не умеет изложить хорошенько – по стро-

гим правилам искусства... Бедный г. Александров! Так уж ему, верно, судьбой назначено – во всем быть страдальцем: в жизни страдал он; когда стихи свои писал, – тоже, должно быть, страдал и мучился над ними неимоверно; да и напечатавши свою книжечку, – ничего, вероятно, не получил и не получит от нее, кроме огорчений и страдания...

Примечания

Впервые – «Совр.», 1859, № 8, отд. III, стр. 275–286, без подписи. Вошло в изд. 1862 г., т. III, стр. 170–181. Сохранились гранки журнального набора от начала рецензии до слов «Молись теплей, душа моя...» (стр. 197, строка 1 сн.) с подписью цензора и датой «10 августа 1859 г.» (ИРЛИ). Текст их не отличается от журнального.

Рецензия – одно из выступлений Добролюбова против поэзии, враждебной некрасовскому направлению. В этой связи критик и характеризует шаблонную лирику незначительного дворянского поэта Д. К. Лизандера (1824–1894), его религиозную риторику и расплывчатые обличения «порока».

Политическая лирика В. В. Бажанова (сына видного церковника В. Б. Бажанова – учителя «закона божьего» у детей Николая I) имела крайне «благонамеренный» характер. Например, в стихотворении «Печаль и отрада России» он восклицал об умершем Николае I: «Кому ты жизни не дороже!» Этот цикл стихов Бажанова учитывался, вероятно, Добролюбовым.

любовым при написании пародийных произведений «Якова Хама» в «Свистке». Не имея возможности охарактеризовать в рецензии политическую лирику Бажанова, Добролюбов обращает внимание на частое и характерное для подобного рода литературы противоречие эротических и религиозных мотивов.

Религиозная «назидательность» Бажанова и либеральные претензии Лизандера «на звание общественного деятеля» компрометируются в рецензии сопоставлением с произведениями бездарного и неизвестного графомана Александрова.

Сноски

1

Намек на большой формат «Иллюстрации».

[^^^]

2

Злая ирония над самым названием «Иллюстрации», которое значит: «освещение».

[^^^]

3

Здесь, вероятно, понимаются «Московские ведомости», открывшие у себя поляны, то есть страницы для протеста.

[^^^]

4

Этот стих, должно быть, относится к «Русскому вестнику», который звучно показывал дорогу протестантам.

[^^^]

5

Нужно разуместь – певучие прокламации «Русского вестника».

[^^^]

6

Метафорическое выражение, коим обозначаются обыкновенно невежество и нечистота сердца; а вместе с тем опять и колкость «Иллюстрации».

[^^^]

7

Возбужденного подпиской против «Знакомого человека».

[^^^]

8

Очевидно, здесь намек на рисунки, помещающиеся в «Иллюстрации», равно как и в следующем стихе, где говорится о *пятнах*.

[^^^]

9

Эти два стиха, при всей своей художественной прелести, составляют не слишком лестный комплимент читателям «Иллюстрации».

[^^^]

10

Это нужно относить к бедности рисунков в «Иллюстрации».

[^^^]

11

Очевидно, здесь олицетворяется беззащитное положение оклеветанного «Знакомым человеком».

[^^^]

12

Здесь поэтически выражается тоскливое чувство, произведенное во всех друзьях прогресса поступком «Иллюстрации», хуже которого они ничего не видали на Руси.

[^^^]

13

О! да, да. Пусть хоть раз... Замечательный спондей, могущий поспорить с известным образцовым спондеем: «Галл, грек, перс» и пр.

[^^^]

14

Как видно, г. фон Лизандер в прежнее время любил «Иллюстрацию», в которой, кажется, помещал даже свои стихотворения.

[^^^]

Очень может быть, что г. фон Лизандер, или кто-нибудь другой за него (из протестантов), проснется вновь и сочинит протест против нас, в котором докажет, что в «Лучах и тенях» нет ни малейшего намека на «Иллюстрацию» и «Знакомого человека» и что наши предположения составляют ни более, ни менее, как «бездоказательное посягательство на мысль поэта – это священнейшее достояние души человеческой». Если такой протест (как мы ожидаем) состоится, то заранее просим дозволения напечатать его в «Свистке». «Свисток» будет очень счастлив, если удостоится этой чести!

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

«Иллюстрация» – журнал, выходивший в Петербурге (1858–1863) под редакцией В. Р. Зотова и др. О протесте против «Иллюстрации» см. заметку Добролюбова «Известие» («Совр.», 1858, № 12; см. т. 3 наст. изд.) и «Свисток» № 1 (см. т. 7 наст. изд.). Упомянутый ниже «Знакомый человек» – псевдоним П. М. Шпилевского, сотрудника «Иллюстрации» (псевдоним раскрыт Б. Ф. Егоровым в статье «В. Р. Зотов – критик и публицист 1850-х гг.» – Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. № 78, Тарту, 1959, стр. 120). «Иллюстрация» выступила с клеветническими антисемитскими обвинениями против публицистов Чацкого и Горвица. Ироническое отношение Добролюбова к «протестантам» «Русского вестника» объясняется их попытками, не поднимая всерьез вопроса об антисемитизме, использовать этот протест для пропаганды либеральных надежд на «мирный

прогресс», реформы и «гласность».

[^^^]

2

Стихотворение «Нашим врагам» вышло отдельным изданием в 1855 году.

[^^^]

3

«Плач и утешение» – стихи П. Вяземского на смерть Николая I и воцарение Александра II (впоследствии печатались под названием «18 февраля – 17 апреля 1855 г.»), пародировались Добролюбовым в «Свистке» № 6 (см. т. 7 наст. изд.).

[^^^]

О М. Розенгейме см. наст. том, прим. 56 к статье «Темное царство».

[^^^]

[^^^]